

ДЕСПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ В ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ИДИОМАХ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Н. В. Хорошева

Пермский государственный университет

Поступила в редакцию 29 сентября 2009 г.

Аннотация: рассматриваются модификации значения единиц социальных диалектов, проникающих в общезыковую узус. Цель исследования – вскрыть причины, основные механизмы и особенности деспециализации единиц жаргонов и аргю. Привлечение материала русского и французского языков позволяет четче обозначить общие тенденции в движении лексики от периферии к центру системы.

Ключевые слова: лексика, семантика, социальные диалекты, деспециализация, русский язык, французский язык.

Abstract: the article deals with modifications of meaning of social dialect words when used in everyday discourse. The aim of research is to reveal the reasons, basic mechanisms and features of despecialization of jargon and argot vocabulary. Russian and French data show common trends of lexical movement from system's periphery to its centre.

Key words: vocabulary, semantics, social dialects, despecialization, Russian language, French language.

Для разработки проблем функциональной и социальной дифференциации языка характерен интерес к различного рода промежуточным идиомам – полудиалектам, интерлектам, интердиалектам, интержаргонам, койне и другим, которые формируются во многих современных языках и имеют социально-лингвистическую природу. Так, в современном русском языке в качестве промежуточных образований обычно называют такие идиомы, как просторечие, региолект и общий жаргон. Последний промежуточный идиом может быть сопоставлен, например, с общим аргю (*argot commun*) в современном французском языке.

Общий жаргон и общее аргю в русском и французском языках соответственно языковые образования, промежуточные между социальными диалектами и разговорной речью. Жаргонизмы и арготизмы приобретают тем самым новое качество: из подсистемы социально ограниченной лексики они переходят в разряд стилистически сниженной лексики, достаточно общеизвестной и высокочастотной в городской разговорной речи. Данные языковые образования в составе разговорной речи современного русского и французского городов обладают рядом черт, позволяющих говорить об их специфическом – промежуточном – положении в социолингвистической структуре языка. Иными словами, единицы общего жаргона и общего аргю по своей языковой и социолингвистической природе уже не являются единицами социальных диалектов, но еще не вошли

в состав разговорно-литературного языка на правах его нейтральных элементов. Таким образом, понятие общего жаргона / общего аргю строится на пересечении социального и функционального членения языка: одними связями общий жаргон / общее аргю связаны с социально ограниченными лексическими подсистемами, а благодаря другим входят в систему общезыковых стилистических средств сниженной экспрессии.

Французское общее аргю и русский общий жаргон составили материал исследования, целью которого было обнаружение собственно лингвистических оснований для выделения данных лексических подсистем в отдельный промежуточный идиом.

Анализируя сущность жаргона, Е. Д. Поливанов писал: «В жаргонном слове содержатся не только значение литературного эквивалента, но и еще «не-что» – социальный довесок, поэтому у жаргонизмов более богатое (т.е. более обильное отдельными представлениями) смысловое содержание, чем у обыкновенных (а потому и пустых в известном отношении) эквивалентов из нормального языка (и этим более богатым содержанием, разумеется, и объясняется то, что их предпочитают обыкновенным словам)» [1, с. 163].

Что же представляет собой этот «социальный довесок», иначе говоря, то специфическое приращение семантики, которое создает собственно жаргонизм, и утрата которого переводит данную единицу в другой разряд лексики?

Одним из конститутивных признаков социально-диолекта (жаргона / аргю) является, как известно,

корпоративность (закрепленность за речевой практикой ограниченного круга носителей). В лингвистическом плане это выражается в особой системной организации данной лексики – конкретизированной семантике, массовой дублетности, ослабляющей взаимоотношения и взаимосвязи единиц в системе, ибо системная избыточность приводит к слабости самой системы.

По всей видимости, такой признак, как конкретность семантики, в высшей степени характерен для социальных диалектов разных языков [2, с. 42], что, в свою очередь, связано с общностью такого определяющего признака, как корпоративность – ограниченность, а порой изолированность сферы деятельности и общения создает предпосылки для более дробного членения понятий.

Принимая во внимание определяющий характер данного признака, можно предположить, что утрата корпоративности, т.е. распространение жаргонизма / арготизма за пределы ограниченной социальной группы, повлечет за собой и изменения в семантике данной единицы. Так, дополнительные дифференциальные семы, создающие специфику арготической лексики в языке, станут не востребованными в общепотребительной обиходной речи, поскольку массовые носители языка не нуждаются в номинации столь расчлененных понятий. Примечательно наблюдение В. М. Жирмунского, сделанное еще в 30-е гг. XX в.: «Арготическая лексика, утратив свой профессиональный и секретный характер, служит средством эмоциональной экспрессии, образного, эвфемистического, иронического словоупотребления в сфере повседневного бытового общения. Теряя свою специфику, она приобретает более зыбкий и неопределенный характер...» [3, с. 152]. Социопсихолингвистическая основа этой тенденции состоит в том, что вербальные механизмы речевой деятельности опосредованы социальным опытом общества.

Вслед за А. Д. Швейцером [4, с. 40], определяем процесс выхода жаргонной / арготической единицы за пределы социального диалекта и последующие модификации его значения общеязыковым узусом как деспециализацию.

При этом деспециализация может быть понята двояко. В широком смысле деспециализированными являются все единицы общего жаргона / общего арга, поскольку, согласно их функциональному статусу, они выведены за пределы ограниченной коммуникативной сферы и в той или иной мере включены в общенародный языковой обиход. Об этом свидетельствует прежде всего вхождение данной лексики в словари литературного языка (относительно русского общего жаргона это пока лишь тенденция, но весьма существенная для современного состояния языка).

Собственно деспециализация (т.е. семантическая модификация, сопровождающая процесс выхода жаргонизма / арготизма из замкнутого речевого обихода в общенародный) наблюдается не во всех случаях – примерно в 10 % изученной лексики. Небольшой удельный вес собственно деспециализированной лексики в составе общего жаргона / общего арга объясняется тем, что в данном случае речь идет о высшей стадии деспециализации, когда деспециализированное жаргонное / арготическое слово становится узальным и фиксируется в словарях, в частности [5], [6], [7] и др.

По нашим наблюдениям, деспециализации в наибольшей мере подвержены жаргонизмы и арготизмы, не имеющие синонимов в литературном языке и получающие в словарях развернутые толкования, т.е. универбы. Например, единица *блат* в русском жаргоне имеет значение «общее название всего преступного, имеющего отношение к воровской среде», а в общем жаргоне – «знакомство, связи, которые можно использовать в личных, корыстных интересах». *Гонкомпания* – «воровская группа, компания» (жаргон) и «разухабистая, бесшабашная компания» (общий жаргон), *завязать* – «отказаться, перестать, прекратить воровать» (жаргон) и «прекратить заниматься чем-н. предосудительным, вредным» (общий жаргон), *купиться* – «доверившись, стать жертвой мошенника» (жаргон) и «соблазниться чем-н., легко поверить во что-л. и обмануться» (общий жаргон), *понт* – «условия, обстановка, создаваемые помощниками карманного вора с целью облегчения кражи (напр., шум, давка, ссора и т.п.)» (жаргон) и «напускной вид, преувеличение своих успехов, достоинств» (общий жаргон), *туфта* – «вид мошенничества, заключающийся в сбыте некачественных вещей» (жаргон) и «грубая подделка, обман» (общий жаргон) и т.д. Подобных примеров немало и во французском языке: *barda* «équipement du soldat» (арго) и «matériel d'équipement que l'on emporte avec soi, ou simplement bagages lourds et encombrants» (общее арго), *baratin* «discours mensonger qui cherche à tromper, à bernier qqn» (арго) и «bavardage intarrissable» (общее арго), *charrieur* «escroc qui mystifie ses victimes» (арго) и «qui exagère» (общее арго), *faisant* «carambouilleur, escroc» (арго) и «homme malhonnête» (общее арго) и т.д.

Как видим, общий жаргон / общее арго «снимает» предельную конкретность жаргонного / арготического слова, переводя его в разряд более абстрактной лексики. При этом, как правило, дифференциальная сема, указывающая на конкретный вид деятельности (разновидность преступной или профессиональной деятельности), утрачивается, и актуализируется сема, указывающая на качество или свойство обозначаемого понятия. Из разряда профессионально-терминологической лексики данные единицы

переходят в разряд лексики, экспрессивная функция которой преобладает над номинативной.

Таким образом, в основе деспециализации универбов лежит тенденция к заполнению номинативных лакун, с одной стороны, и расширение резерва экспрессивных общеязыковых средств – с другой. В широком диалектическом смысле здесь находит своеобразное преломление одна из антиномий, определяющих саморазвитие языка – антиномия двух функций языка: чисто информационной и экспрессивной.

Последняя функция особенно важна при деспециализации единиц, являющихся экспрессивными синонимами слов литературного языка. При этом их смысловая структура значительно редуцируется за счет утраты семантических компонентов, нерелевантных для коммуникативного статуса данной лексики (связанных с узкоспециализированным характером первичного денотата) и актуализации тех сем, которые выводят ее в общеязыковой узус. Деспециализация обычно имеет форму генерализации, происходящей в результате утраты дифференциальных сем. Так, в русском жаргоне *барыга* – «перекупщик краденого», в общем жаргоне – «спекулянт, перекупщик», *стучать* – в жаргоне «выдавать, доносить на сокамерника, сообщника», в общем жаргоне – «доносить на кого-л.», *шкет* – в жаргоне «вор-подросток», в общем жаргоне – «мальчик, подросток» и т. д. Во французском аргоне *berge* – «*année de condamnation*», в общем аргоне – «ан» (утрачена сема «вид»), *biffeton* – в аргоне «*lettre clandestine, billet, dans la correspondance des détenus entre eux*», в общем аргоне – «*billet*», *bide* – в аргоне «*représentation qui n'as pas la faveur du public*», в общем аргоне – «*échec, désillusion*» и т. д.

Данные примеры показывают, что переход единицы социального диалекта в общеразговорный узус и в русском, и во французском языках влечет за собой сходные процессы: в первую очередь утрачиваются дифференциальные семы, связывающие слово с определенной социальной сферой деятельности.

Реже деспециализированные жаргонизмы / арготизмы становятся объектом метафоризации / метонимизации, существуя в общем жаргоне и общем аргоне в переносном значении. Например, *бардак* – «публичный дом» (русское аргоне) – «полный беспорядок и развал» (общий жаргон); *bazar* – «*baraque, café-concert, maison close – lieu où règne le désordre*» (французское аргоне) – «*ensemble d'objets divers, en désordre, souvent mal définis*» (общее аргоне).

По наблюдениям многих исследователей аргоне и жаргонов, для данной лексики чрезвычайно характерны объемные синонимические ряды, массовая дублетность, гипертрофированность парадигматики в относительно узкой семантической сфере [2], [8, с. 59], [9, с. 23], [10, с. 105], [11], [12], [13], [14] и др. Естественно, что такая системная избыточность при-

водит к тому, что рано или поздно «герметичность» системы ослабевает, расшатывается, создавая возможность для распространения ее элементов в другие подсистемы. Вследствие этого процесс лексической система общего жаргона / общего аргоне по сравнению с жаргонами и аргоне имеет значительно редуцированный, упрощенный характер.

Сравним, например, некоторые, одни из самых развернутых в жаргоне / аргоне синонимических рядов, и соответствующие синонимические ряды в общем жаргоне / общем аргоне, проводя при этом семный анализ данных единиц.

Так, в русском уголовном жаргоне имеется порядка 90 единиц со значением «доносить, выдавать, предавать» (*бабать, багрить, бухнуть, быть телефоном, вдувать, вирудить, вложить, впрудить, дать дело, дунуть, дуть, жечь, жучить, завалить, закладывать, закозлить, заложить, засвистеть, застучать, засыпать, заштрафиваться, зашухарить, зашухерить, звонить, капать, катить бочку, кинуть на сковородку, кладануть, класть, клеить, клепать, козлить, ложануть, ломить* и др.) В общем жаргоне с тем же значением мы находим единицы *закладывать (заложить), звонить, капать, клепать, (на)стучать, сдавать*, но при этом утрачены дифференциальные семы «объект действия», «место действия», «причина».

Если русский уголовный жаргон имеет порядка 100 единиц со значением «лгать, обманывать» (*баки вколачивать, буровить, верзить, вертеть (крутить) колесо, вешать лапшу на уши, вихрять, водить коридором, вола водить, вострять, восьмерить, втирать, гладить, гнать беса (гусей), гнать дуру, гнать порожняк, гнать пургу (туфту), гнать тюльку, гнуть, двигать (толкать) фуфлю, динамо крутить, еришить, жевать мочалку (сено), жухать, завинчивать, загибать, заикаться, кидать метлу* и др.), то в общем жаргоне этот ряд значительно короче: *вешать лапшу на уши, накальвать, заливать, кинуть, мухлевать, нагреть, обуть (на обе ноги), пудрить мозги*. При этом утрачены семы «цель действия (преступная или нет)», «образ действия», «объект действия».

Аналогичную картину наблюдаем и во французском языке. Так, если в аргоне есть порядка 50 единиц со значением «*dénoncer*» (*balancer, basculer, bazarder, bourriquer, cafter, casseroler, casser du sucre sur, chanter, coquer, débîner, dégueuler, donner, fourguer, gameler, goualer, griller, jacter* и др.), то в общем аргоне этот ряд сокращается до *cafter, donner, casser du sucre sur, moucharder, moucher sur, porter le pet* (при этом утрачены семы «объект действия», «место действия», «причина»). Около 100 единиц содержит арготический синонимический ряд с доминантой «*voler*» (*asphyxier, baisier, branquignoler, calotter, camoufler,*

canarder, carambouiller, carotter, carrer, charrier, chaffer, chiper, choper, chouraver, claquer, cravater, décramponner, décrasser, décrocher, dégringoler, délourder, dépiauler, déplanquer, descendre, détourner, écraser, effaroucher, empaqueter, engourdir и др.), в то время как в общем аргоне он сводится к *barbotter, chiper, choper, chouraver, chauffer, faucher, manger la grenouille, picorer, piquer, ratisser, roustir, soulager, soulever* (утрачены семы «место действия», «образ действия», «объект действия»).

Анализ материала показывает, что лексическая система общего жаргона / общего аргоне отлична от системы аргоне / жаргона и в количественном, и в качественном отношении: деспециализируясь, жаргонизмы / аргонизмы входят в общезыковые лексические парадигмы на правах их обычных элементов, но не как инородные включения. Как видно из примеров, вместе с дифференциальной семой (выраженной эксплицитно или имплицитно) жаргонизмы / аргонизмы теряют те парадигматические связи, которые определяли место той или иной единицы в лексической системе аргоне или жаргона. В семантическом плане слова в жаргоне / аргоне имеют, как правило, видовую семантику, а в общем жаргоне / общем аргоне – родовую.

Переходя в общий жаргон / общее аргоне и тем самым включаясь в общенародный узус, жаргонизмы / аргонизмы включаются и в общезыковые словообразовательные процессы. При этом, как мы полагаем, количество новообразований зависит не только от времени введения единицы в другой лексический пласт [9, с. 23], но и от того, насколько она «актуальна» для языковой и внеязыковой ситуации в стране.

Рассмотрим это на примерах из русского общего жаргона. В настоящее время в процесс деспециализации активно включаются единицы социальных диалектов, которые (в силу криминальной ситуации в стране) находятся в фокусе социального внимания, являясь своего рода «ключевыми словами текущего момента» [15, с. 5–15]. Это особенно характерно для следующего ряда русских жаргонизмов: *беспредел* (сдвиг от жаргонного «произвол, непризнание воровского закона» к значению «крайняя степень беззакония, беспорядка») – *беспредельничать*; *бомж* (жаргонное «осужденный за бродяжничество») – в общем жаргоне «человек без определенного местожительства и работы») – *бомжить*, *бомжевать*, *бомжатина*, *бомжиха*, *бомжатник*; *крутой* (жаргонное «авторитетный (о заключенном-рецидивисте)» – в общем жаргоне «решительный и быстрый, а также вообще оставляющий сильное впечатление») – *круто*, *крутизна*, *круче*, *покруче*, *наикрутейший*, *круть*; *тусовка* (жаргонное «компания (о хиппи или проститутках)») – в общем жаргоне «1. Собирище людей, объединенных по возрасту, профессии, политическим

взглядам или к.-л. иным признакам; нередко сопровождается беспорядочными перемещениями участников. 2. Формальное или неформальное объединение людей по каким-л. признакам») – *тусоваться*, *тусовочка*, *тусовщик*, *тусовщица*, *кинутусовка*, *рок-тусовка*, *дип-тусовка* и др.).

Очевидно, что выход этих жаргонизмов в общенародный узус связан с потребностью в номинации новых реалий и идеологических концептов, вызванных к жизни глубокими изменениями во внутренней жизни страны.

Характерным примером деспециализации жаргонизма в современном русском языке является, например, слово *беспредел*. По наблюдениям Е. В. Какориной, «газетное» (а в перспективе, вероятно, общелитературное) значение этого слова претерпело определенные преобразования. Варьирование значения идет в двух направлениях: в направлении большей конкретности (сужение значения) и в направлении большей абстрактности (актуализация внутренней формы слова). В первом случае возможны значения: «избиения, (национальные) погромы, жестокие действия, связанные с физическим насилием». Во втором случае значение оказывается одновременно связанным с концептом «насилие» и концептом «власть». В этом значении *беспредел* включается в ряд синонимичных номинаций «беззаконие, произвол, беспредел» в качестве стилистически маркированного, наиболее удаленного от доминанты элемента, что позволяет создавать эффект градации [16, с. 82–84]. Таким образом, деспециализированное, более абстрактное значение способствует узуализации жаргонизма и включается в общелитературные словари. Этот процесс есть лингвистический маркер перехода единицы в общий жаргон.

Наблюдая данные процессы, трудно не согласиться с В. С. Елистратовым в том, что мы имеем дело с некой закономерностью: «...в определенные эпохи маргинальные элементы культуры и языка проявляют экспансивную тенденцию и активно внедряются в язык и культуру» [10, с. 151].

Итак, обращение к семантике общего жаргона / общего аргоне в интра- и интерлингвальном аспектах позволило определить лингвистические основания для выделения данного объекта в качестве отдельного языкового образования, отличного от системы аргоне или жаргона. В целом системная организация общего жаргона / общего аргоне по сравнению с жаргонизмами и аргонизмами имеет более редуцированный характер: утрачиваются дифференциальные семы, конкретизирующие понятие в аргоне или жаргоне; значительно сокращаются синонимические ряды; деспециализация лексики достигает высшей стадии, т.е. модифицированное значение слова фиксируется словарями. Все эти процессы приводят нас к мысли о том, что жаргон

и общий жаргон в русском языке (соответственно арго и общее арго во французском языке) – это лингвистически нетождественные явления, поскольку они имеют разную системную организацию.

Применение метода темного анализа позволило выявить внутреннюю специфику ряда лексико-семантических групп в общем жаргоне / общем арго в сравнении с жаргоном / арго. Эта специфика заключается, в частности, в том, что деспециализация данной лексики способствует ее включению во внутреннюю парадигматику, пронизывающую разговорную лексику (в широком смысле) и потенциально способствует ее дальнейшей «сублимации», вплоть до нормализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание / Е. Д. Поливанов. – М. : Федерация, 1931.
2. Guiraud P. L'argot / P. Guiraud. — Paris : PUF, 1958.
3. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. – Л. : Худож. лит., 1936.
4. Швейцер А. Д. Контрастивная стилистика : газетно-публицистический стиль в английском и русском языках / А. Д. Швейцер ; под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1993.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 800 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 3-е. – М. : АЗЪ, 1996.
6. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались : толковый словарь общего жаргона [ок. 450 слов] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. – М. : Азбуковник, 1999.
7. Dictionnaire de la langue française. Lexis. – Paris : Larousse, 1992.
8. Береговская Э. М. Арго и язык французской художественной прозы XX века (50–70-е годы) / Э. М. Береговская. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2009.
9. Грачев М. А. Происхождение и функционирование русского арго : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Грачев. – СПб., 1995.
10. Елистратов В. С. Арго и культура / В. С. Елистратов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995.
11. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д. С. Лихачев // Язык и мышление. – М. ; Л., 1935. – Т. 3/4.
12. Baldinger K. Les synonymes (presque) parfaits existent : en argot / K. Baldinger // Les formes du sens. – Paris : Éditions Duculot, 1997.
13. Calvet L.-J. Les voix de la ville : Introduction a la sociolinguistique urbaine / L.-J. Calvet. – Paris : Payot & Rivages, 1994.
14. François-Geiger D. Introduction / D. François-Geiger // Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère C. Dictionnaire de l'argot. – Paris : Larousse, 1992.
15. Шмелёва Т. В. Повседневная речь как лингвистический объект / Т. В. Шмелёва // Русистика сегодня. Функционирование языка : лексика и грамматика / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1992.
16. Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале газет) / Е. В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В. Л. Воронцова [и др.]. – М. : Яз. рус. культуры, 1996.

Пермский государственный университет

*Хорошева Н. В., кандидат филологических наук,
доцент, зав. кафедрой романской филологии
E-mail: romanphil@rambler.ru
Тел.: 8-904-84-57-917*

Perm State University

*Khorosheva N. V., Candidate of Philology, Associate
Professor, Head of Roman Languages Department
E-mail: romanphil@rambler.ru
Tel.: 8-904-84-57-917*